

УДК 159.9

Природа человека и эволюция психотической реальности (трансдисциплинарная модель)

С. Э. Давтян

*Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург
Дневной стационар № 2 ГПНДС № 7, г. Санкт-Петербург
e-mail: sdavtian@gmail.com*

Аннотация. Диагностика психического заболевания основана на оценке поведения больного (включая речевое поведение), управляемого ситуацией, представленной как система знаков. Восприятие ситуации, в свою очередь, зависит от контекста, формирующегося из опыта предыдущих ситуаций, структурирующих индивидуальный мир. Таким образом, мир не задан – он формируется в процессе целенаправленной активности: различные формы поведения, включая аномальные варианты, могут быть объяснены не с позиции особенностей личности или состояний, а в категориях ситуаций, разворачивающихся в индивидуальных мирах. Подобно тексту, состоящему из слов, мир складывается из ситуаций, каждая из которых нуждается в определенном контексте для преодоления неоднозначности (присущей всякой знаковой системе вследствие полисемии). Этот контекст порождается миром как целостностью. Если контекст не помогает интерпретации ситуации, неопределенность устраняется путем активных действий, проясняющих ситуацию. Следовательно, исключительную важность приобретает целенаправленная активность, способность прогнозировать и корректировать свои действия: слабость любого из этих звеньев неизбежно ведет к искажению представлений о мире, неверной оценке ситуаций и, как результат, – к неадекватному поведению, закрепляющему (замыкая круг) неадекватную структуру мира.

Ключевые слова: многомирие, синергетика, семиотика, депрессивная реальность, параноидная реальность.

Человек есть мера всех вещей – существующих, что они существуют, и не существующих, что они не существуют...
Протагор

Преамбула. Проблемы, лежащие перед науками о человеке и проблемы, лежащие перед науками о природе, суть неверно истолкованные аспекты одной и той же проблемы – мы не вполне понимаем природу человека. Ни ту, в которой он существует, ни ту, которая его характеризует. Мы привыкли думать, что это две разные природы: одну – действительность, реальность или мир – должны изучать так называемые естественные науки, а другую – человека, сознание, язык – так называемые гуманитарные. Но

что, если не существует двух природ, а есть только одна – Природа Человека («человекомирие»), в которой, согласно Пармениду [2], «то же самое – мысль и то, о чём мысль возникает».

В статье обсуждается модель эволюции миров, в рамках которой раскрываются закономерности развития психопатологии. В основе развиваемой модели находится поиск ответа на вопрос: *как должен быть устроен мир, чтобы в нём можно было сходиться с ума?*

1. Диагностика психического заболевания, в отличие от соматической медицины, полностью опирается на оценку поведения больного, главным образом – поведения речевого. Иначе говоря, знаковым для психиатра должен являться не симптом, понимаемый как расстройство, а отклоняющееся от общепринятых норм поведение. Игнорирование этого положения – основная причина кризиса современной психиатрии [1], где доминирующим на сегодняшний день является нозологический подход, основанный на диагностической триаде «симптом – синдром – заболевание». Взаимосвязь симптомов болезни при этом является декларативной, поскольку нозологический принцип не обеспечивает механизмов понимания поведения больного, служа лишь инструментом описания и распознавания болезни. Объяснительная сила ее равна нулю. Неудивительно поэтому, что причинами болезни объявляются некие внутренние факторы, скрытые от глаз наблюдателя в глубине души или мозга больного. В лучшем случае признается равноправие душевных и телесных факторов, а в худшем (что чаще) – душевное рассматривается как производное от телесного, а значит, поиск причин болезни уклоняется в сторону исследования мозга, а теперь еще и – генома. Понятно, что все неудачи на этом пути списываются на счет дефицита наших знаний – временного, как надеются оптимисты, или непреодолимого, как полагают агностики.

2. Описанная выше ситуация, порожденная картезианско-ньютоновской парадигмой мироздания, выглядит следующим образом: человек – один из объектов в пространстве и времени (существующих независимо от него), познающий мир при помощи чувств и разума. Если он позволяет себе неадекватные поступки и странные высказывания, то это потому, что он душевно болен. Следовательно, необходимо изучать психику и её «орган» – мозг. Известна «структура» психики: восприятие, мышление, память и т. д.; описаны варианты ее нарушений: галлюцинации, бред, амнезии и т. д. Еще лучше мы знаем структуры мозга и процессы, протекающие в нем. Остается лишь установить взаимосвязи. Однако время идет, некоторые взаимосвязи устанавливаются, но ни человек, ни причины душевных расстройств от этого понятнее не становятся.

3. Что означают слова о том, что некто психически болен? Попробуем разобраться на простых примерах. Человека, регулярно обманывающего других, мы называем лжецом. Он лжет, потому что он лжец или он лжец, потому что лжет? Если я регулярно курю, это означает, что я – курильщик. Почему я курю? Неужели же потому, что я – курильщик? Почему же мы так легко согласились считать, что человек, ведущий себя аномально, по-

ступает так, потому что он болен? Ведь на самом деле все обстоит как раз наоборот: он ведет себя аномально, поэтому мы считаем его больным. После этого мы уже не имеем права разворачивать причинно-следственные связи, пытаясь объяснить поведение человека болезнью. Эта, игнорируемая нами, странная причинно-следственная инверсия, должно быть, произошла в нашем сознании на заре становления науки, нацеленной на изучение «объективного мира», а вовсе не человека. Смысл ее понятен, хотя и не очевиден: она «снимает» трудные вопросы, вместо того, чтобы решать их, т. е. является квазиобъяснением: – «Почему он поступает так»? – «Потому что он душевнобольной». – «А! Тогда понятно». Но что именно понятно? Что не следует искать понятных причин поступка (высказывания): он говорит чепуху, потому что болен. *Для научной мысли в этой системе координат остается лишь один путь: искать причины болезни внутри человека, как некогда она искала флогистон внутри горючих материалов.*

4. Мы умеем мыслить мир существующим вне и независимо от человека, но нам трудно помыслить человека существующим вне и независимо от мира. Научившись этому, мы сумеем помыслить немыслимость мира, существующего вне человека. И тогда мы поймем, что, в сущности, нет ни человека (вне мира), ни мира (вне человека). А есть нечто (назовем это «человекомирием»), устроенное таким образом, что может выглядеть как [другой] человек – на фоне [моего] мира, либо как [мой] мир – вокруг человека [меня]. *Исследовательская парадигма, ориентированная на понимание человека как **отъемлемой** части мира, является инструментом познания мира, мыслимого вне человека.* Применение этого инструмента, как и любого иного, накладывает ограничения как на выбор, так и на сложность решаемых проблем. Постигание человека (и особенно – человеческого в человеке), равно как и тонкого устройства реальности, в круг этих проблем не входит и никогда не входило.

5. Философский (Платон, Беркли, Юм, Лейбниц, Спиноза, Витгенштейн и др.) и эпистемологический (Бор, Гёдель, Поппер, Кун и др.) аппараты для осуществления требуемого переключения парадигм, вопреки распространенному мнению, тщательно разработаны, однако не востребованы современной наукой, изучающей мир и человека по отдельности. Единой науки, как таковой, собственно, и нет: есть множество разобщенных наук, безуспешно ищущих пути сближения. Оно возможно вокруг объединенной цели, требующей не синтеза знаний, но «снятия» границ между науками во имя единственной цели: объяснения мира человека, ибо другие миры человеку неведомы. Психологический барьер, стоящий перед исследователем на этом пути, формулируется так: *если во Вселенной существует больше одного человека, то и мир не может оказаться единственным – их ровно столько, сколько и людей.* Назовем это «барьером многомирия» (обозначено пунктирной линией на рис. 1).

Рис. 1. Две парадигмы

6. Кем и чем бы ни являлся человек (как аспект *человекомирия/ многомирия*), прежде всего он представляет собой сложную самоорганизующуюся и саморегулирующуюся систему. Известно, что любая подобная система порождает внутри себя энтропию, коррелирующую со степенью ее сложности, – иначе говоря, энтропия является функцией сложности системы. Кроме того, все живые системы стремятся к поддержанию наиболее энергетически экономного – *неравновесного стационарного* состояния, привычно обозначаемого в биологии понятием «гомеостаз». Для поддержания гомеостаза живая система вынуждена быть активной, т. е. характеризуется поведением, целью которого является сведение к доступному минимуму постоянно накапливаемой энтропии. Известно также, что в процессе активности организм получает отрицательную энтропию (так называемую *негэнтропию*), представляющую собой упорядоченную структуру любой природы, будь то пища, воздух или информация [5]. Таким образом, поведение, или активность, является важнейшей потребностью живых систем, обеспечивающих их идентичность, целостность и функционирование. Разрушение системы, или ее смерть, происходит в случае превышения предельно допустимого уровня энтропии, что эквивалентно наступлению другого стационарного состояния с минимумом энергии – *равновесного* (рис. 2). *Смерть системы обуславливает и означает ее полную пассивность, и наоборот, пассивность системы приближает и обуславливает наступление смерти.*

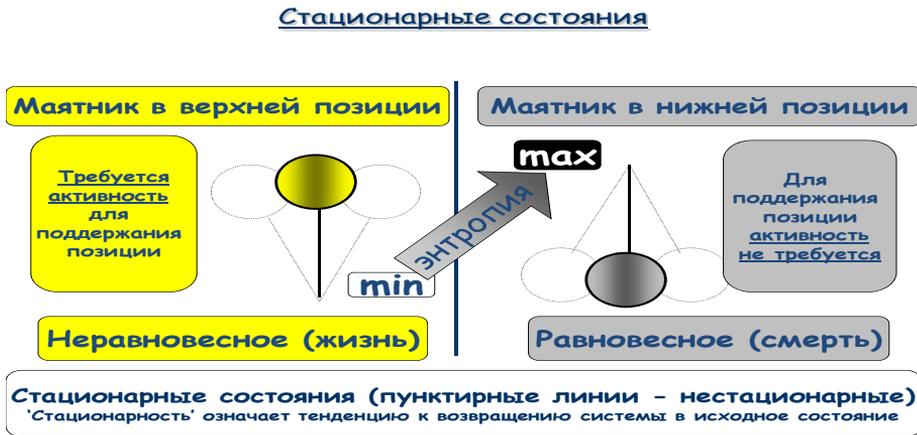
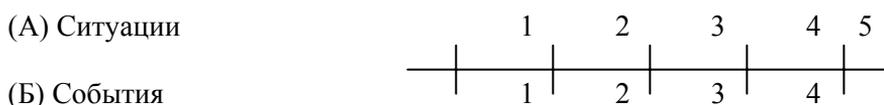

Рис. 2. Маятник как элементарная модель живой системы

7. Приведенный выше краткий синергетический экскурс призван прояснить распространенную ошибку, часто допускаемую нами в рамках традиционной рациональности при анализе причинно-следственных связей в парадигме «стимул – реакция». Не реакция целиком является следствием стимула, а только тип реакции, ее выбор среди набора возможных реакций. Поведенческий акт как таковой не является логически необходимым следствием причинного воздействия стимула на организм. *Потребность действовать вообще является первичной по отношению к потребности действовать каким-либо определенным образом.* В частности, если необходимо, организм может ответить на стимул и полным бездействием, т. е. проигнорировать его. Также возможна целенаправленная активность организма вне какого бы то ни было стимула. Для полного преодоления ограничений, накладываемых лапласовским детерминизмом, нам лучше всего полностью отказаться от понятий «стимул» и «реакция»: *человек не является машиной, запрограммированной на реакции, возникающие в ответ на стимулы.* Участь исследовательской программы бихевиоризма является собой печальный пример оригинальной и перспективной идеи, загубленной в тесных объятиях детерминизма.

8. Человек существует не в пространстве и времени, где случаются стимулы, на которые надо как-то реагировать, а в той или иной *ситуации*, где от выбора поступка зависит его благополучие. *Индивидуальный мир человека* можно представить как множество ситуаций, в которых он оказывается или может оказаться. Дополнительным (в Боровском понимании дополнительности) к этому способом является представление *индивидуальной жизни человека* как множества *событий*, участником которых человек становится. Отношение «ситуационного» к «событийному» эквивалентно отношению пространственного к временному (как разных аспектов единого пространства-времени) и схематично может быть изображено так:

Важно подчеркнуть, что указанные два способа являются взаимно дополнительными, что означает, что каждый из них дает исчерпывающую картину происходящего в собственной системе координат и имеет собственный язык описания. Смешивать их недопустимо: описывая ситуацию, мы не видим событий, описывая же событие, не видим ситуаций. Выбор диктуется характером решаемых задач. «Ситуативный» подход ориентирован на статику, на результат (на мир человека), а «событийный» – на динамику, на процесс (на жизнь человека). Первый дискретен (как шахматы), второй континуален (как футбол). Только грамотное (исключающее путаницу) сочетание обоих подходов позволяет рассмотреть «человекомирие» в его полноте.

9. Постулируем следующее утверждение: в тождественных ситуациях (если бы это было возможно) люди действовали бы совершенно одинаково. Практически этого никогда не бывает, потому что ситуации никогда не повторяются и никогда не тождественны даже для двух человек, находящихся вместе (хотя бы потому, что они находятся в разных компаниях). Что для одного из них – ситуация, допустим, угрозы для жизни, для другого может оказаться ситуацией легкого развлечения. Важно одно: похожее восприятие (интерпретация, оценка) ситуации диктует похожее поведение. Индивидуальные различия в восприятии ситуации обусловлены опытом восприятия предшествующих ситуаций, а также, в силу опыта же – представлениями о возможных ситуациях в будущем.

10. Наша задача сейчас – избежать любой ценой отсылок к «внутреннему» человека (например, к характеру), якобы объясняющему те или иные различия в его поведении в «одинаковой» ситуации. Поведение обусловлено индивидуальным восприятием ситуации. Характер же – величина производная и состоит из номинализаций, характеризующих повторяющиеся поведенческие акты, свойственные тому или иному индивидууму. «Характерологические» понятия удобны, потому что экономят слова и время, но они не обладают объяснительной силой. Иначе говоря, люди, как в норме, так и в патологии, ведут себя похоже в похожих ситуациях и непохоже – в непохожих. *Вопроса о том, «почему люди себя ведут по-разному в одинаковых (похожих) ситуациях?» не существует.* Это псевдо-вопрос, псевдо-ответом которому служит утверждение: «потому что они отличаются характерами (способностями, возможностями, состоянием здоровья и т. д.)». По этой же причине некорректно утверждение о том, что причиной аномального поведения человека является болезнь.

11. Время задать вопрос: «что придает ситуации столь неоднозначный характер»? Для этого нам надо прояснить смысл, вкладываемый в понятия «ситуация» и «неоднозначность». Воспользуемся аналогией: каждое слово высказывания обладает набором *сем* (значений), образующих сложную,

иерархически устроенную *семему*. Для восприятия смысла высказывания важно, чтобы актуализировались какие-то определенные значения слов, что обычно диктуется общим *контекстом* высказывания – сами слова не содержат внутри себя указаний на этот счет. В то же время, как это часто бывает (особенно при восприятии письменного текста), контексту неоткуда взяться, кроме как из правильного прочтения последовательности слов, что образует хорошо известный герменевтический круг. Таким образом, слово приобретает определенное значение благодаря тому, что высказывание имеет определенный смысл, подсказывающий верный контекст. Если смысл высказывания неясен, то контекст однозначно не определен, и вероятны вариации (и ошибки) в интерпретации отдельных слов. В свою очередь, вольность в интерпретации слов приведет к искажению или даже к извращению смысла всего высказывания. Это с необходимостью повлечет за собой изменение контекста, что немедленно отразится на дальнейшей интерпретации слов, в результате чего из текста будет извлечен весьма отдаленный от первоначально заложенного в него смысл.

12. В отличие от животных, человек живет не просто в реальности, а в особым образом структурированной реальности, которую он обозначает словом «мир». Разумеется, под реальностью здесь подразумевается *наблюдаемая вещественная реальность* (от лат. *res* – «вещь»; та самая, которая состоит из вещей, о которых говорил в древности Парменид, а спустя 2,5 тыс. лет другой великий мыслитель скажет: «невозможна реальность, которая была бы полностью независима от ума, постигающего её» [3]). Следуя мысли А. Пуанкаре, «независимые от ума» аспекты Вселенной, единые для всех и невещественные (полевые, энергетические, неизвестные), непосредственно не данные нам в нашем восприятии (но воздействующие на наши органы чувств), назовем *действительностью*. Таким образом, действительность выглядит для наблюдателя как реальность. Как выглядит реальность, зависит от того, как устроен (и настроен) *наблюдатель*. Если наблюдатель *разумен*, то он существует в *объясненной* реальности, которая и обозначается в этом тексте словом «мир».

Каждый человек является обитателем собственного мира: сколько людей, столько и миров (ибо не существует двух совершенно одинаковых систем объяснений). Миры проницаемы друг для друга, образуя метасистему – *многомирие*. Проницаемость означает, что каждый человек способен воспринимать только собственный мир (частью которого себя и считает), в котором все прочие миры представлены свернуто, как бы своей изнанкой – попросту говоря, другими людьми. Подобно тому, как мы рассуждаем о сходстве и различиях между людьми, мы вольны рассуждать и о сходстве и различиях между мирами. Следовательно, и особенности поведения, включая болезненные его варианты, получают возможность объяснения не в категориях характеров и болезней, а в категориях ситуаций, разворачивающихся в индивидуальных мирах. *Люди поступают по-разному, потому что они живут в разных мирах.*

13. Ситуация (событие), в которой человек воспринимает себя – это не просто участок трехмерного пространства в определенное время, а часть мира и эпизод его жизни. Подобно тексту, состоящему из слов, из таких эпизодов соткана вся его жизнь: каждая наличная ситуация является частью сложной системы, именуемой словом «мир», а события, происходящие с человеком в этом мире – эпизодами, из которых в конечном счете складывается его жизнь. Одновременно жизнь в мире (та, что уже была, и та, что предстоит) порождает контекст, определяющий восприятие любой ситуации и любого события, актуального или потенциального. Последнее важно, потому что наше поведение в равной степени контролируется как текущими ситуациями (и тогда говорят о реакции на ситуацию, что не всегда оправданно⁷), так и теми, наступление которых для нас желательно или, напротив, нежелательно.

14. Рассмотрим поведение человека, стоящего на перекрестке: загорается зеленый свет, и он переходит дорогу. Понятно, что зеленый свет светофора – это не причина того, что он перешел дорогу, а лишь *регулятор* его поведения. Причина же в другом: ему надо попасть в какое-то место. Цвет условен, однако не случаен: зеленое ассоциируется с факторами, благоприятствующими жизни, в то время как красное – с угрожающими жизни факторами. Чтобы знак был способен регулировать поведение человека, недостаточно, чтобы он обладал значением. Он должен быть еще и *значимым*, т. е. таким, что игнорирование его неблагоприятно, а учет, напротив, благоприятен для достижения его целей, что эквивалентно поддержанию гомеостаза в системе человекомира, т. е. ситуации должны соответствовать определению «благополучное положение дел».

Но и этого еще недостаточно. Знак является знаком в той степени, в которой он является знаком и для других, т. е. *общезначимым* знаком: не признаваемый большинством фактор может служить знаком только для гения (временно и, как правило, недолго) или безумца (надолго или навсегда). На самом деле, в выделении фигуры из фона, а знак и является именно фигурой, должны быть основания и, следовательно, смысл. Пешеходу нет резона ждать зеленого сигнала светофора, если водители на него не обращают внимания. В норме поведение не должно контролироваться факторами, которые не контролируют поведение других людей.

15. Невозможно запомнить, какими значениями и значимостью обладают миллиарды знаков для миллиардов людей. К счастью, этого и не требуется. Целостной, интегративной формой такого знания, включающей в себя всё необходимое для адаптивного поведения человека, как раз и является наше представление о том, что существует мир, устроенный и функционирующий вполне определенным, хотя и не до конца ясным, образом. Мировосприятие даже здоровых людей существенно отличается друг от

⁷ Говорить о реакции на ситуацию не имеет смысла в тех случаях, когда ситуация реализована стараниями самого человека, а также, частично, в случаях, когда она была прогнозируема.

друга, потому что отражает индивидуальный опыт каждого, закрепленный в его *версии мира*⁸. Версия мира – это реальность, существующая в представлении человека; это все, что человек может сказать о реальности, принимая ее за действительность. Можно сказать, что *человек – это мир, описанный его языком*.

16. Любое утверждение о собственном мире может быть либо истинным, либо ложным. Для слушателя же (обитателя другого мира) оно может иметь и третье значение – быть бессмысленным (например, для атеиста бессмысленно содержание большинства богословских споров, для психиатра – некоторые утверждения больного). Определенное таким образом понятие «мир» учитывает его «субъективное» (точнее, интерсубъективное), одновременно (и тем самым) обеспечивая максимально возможную степень его объективности – в той мере, в которой миры конституированы общезначимыми регуляторами поведения, т. е. знаковыми системами. Причем субъект вовсе не обязан внимательно следить за включением в свой мир именно общезначимых знаков, поскольку это процесс саморегулирующийся: не-общезначимое, как правило, мало- или незначимо для субъекта, а незначимое не является знаком, оно уходит в фон и не воспринимается; следовательно, оно в его мире попросту отсутствует. Невозможно говорить о «правильных» и «неправильных» мирах, поскольку любой из них «правилен» для своего носителя⁹.

17. Поскольку нас интересует поведение человека, а оно контролируется значимыми элементами ситуации, мы можем в первом приближении рассматривать здесь знак и ситуацию как эквипотенциальные понятия. Итак, ситуация – знаковое явление. И в то же время она – актуальная или потенциальная часть мира, в котором живет человек. Мир как раз и состоит из актуальной и множества неактуальных сейчас ситуаций, включающих как прошлые, так и вероятные в будущем ситуации. Ситуация как система знаков – неоднозначна, но будучи частью мира, она «снабжена» контекстом, необходимым для преодоления этой неоднозначности. Контекст этот порождается миром как целым и позволяет «правильно прочесть» ситуацию как часть целого. Таким образом, мир устроен голографически: каждая часть его (ситуация) содержит какое-то количество информации о целом мире (через контекст): *мир складывается из ситуаций и мир содержится в каждой из них*. Для оживления этой сухой схемы добавим, что человек стремится контролировать ситуацию, в то время как ситуация контролирует его поведение.

18. Из всего вышесказанного следует, что миры не заданы: они порождаются в процессе активности человека. Следовательно, дефицит актив-

⁸ Мы намеренно избегаем понятия «картина мира» («образ мира», «модель мира» и т. п.), предполагающего наличие одного мира со множеством его «картин» в «сознаниях» или головах людей, возвращающего нас в тупиковую ситуацию «один мир – много людей».

⁹ Однако возможно говорить о «хороших» (более адекватных, непротиворечивых, полных и т. д.) и «плохих» (менее адекватных, противоречивых, неполных и т. д.) мирах: в последних меньше гармонии и смысла.

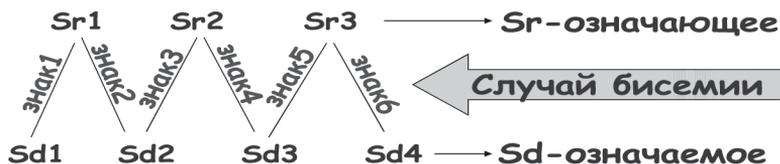
ности (равно как и её избыточность) является ключевым фактором, влияющим на формирование миров, в которых становится возможным поведение, квалифицируемое нами как неадекватное. Другими словами, мир человека объективен (т. е. адекватно интерсубъективен) при условии успешного поведения, основанного на верном прогнозировании ситуаций и коррекции (в случае ошибочного прогноза) собственных действий. С другой стороны, поведение человека адекватно при условии, что мир его объективен, т. е. порождает релевантные контексты, позволяющие верно интерпретировать ситуации и строить на их основе более или менее сбывающиеся прогнозы. Таким образом, критерием объективности мира (=адекватности поведения) здесь выступает не соответствие «картины мира» некому «объективному и независимо существующему миру», не точность отражения «реальных объектов» в «зеркале сознания», не сходство копии с оригиналом (ибо не существует ни копии, ни оригинала, ни зеркала), а соответствие ситуации прогнозу. Иначе говоря, адекватна прогнозируемая ситуация – та, в которой полнее учтен потенциал ее развития. Соответственно, *мир человека объективен постольку, поскольку он отвечает на его целенаправленные действия предсказуемым образом*. Вне целенаправленной активности не существует никаких оснований для различения реального мира от вымышленного.

19. Путь от количественного отклонения активности к качественному её нарушению лежит через искаженную обработку знаков. Фатальным при этом оказывается такое неотъемлемое качество знака, как его неоднозначность (*полисемия*), преодолеваемая здоровым человеком в процессе целенаправленной активности. Знак, по Ф. де Соссюру, есть *единство означающего и означаемого* [4]. При этом возможны ситуации, при которых: (а) одному означающему соответствует несколько означаемых (*омонимия*) и (б) одному означаемому соответствует несколько означающих (*синонимия*) (рис. 3). Отсюда возникает принципиальная возможность ошибочного взаимодействия со знаками, как при прочтении знака, так и при его выражении, т. е. *патологического* функционирования знака, являющегося одновременно и *патогенным* его функционированием, ибо оно неизбежно влечет за собой неадекватные действия, что замыкает круг и закрепляет ошибочное взаимодействие со знаком (этим и всеми с ним связанными) в будущем.

20. Описанные выше два механизма – будучи реализованными в процессах с положительной обратной связью (патологическое=патогенное изменение активности и патологическое=патогенное изменение функционирования знаков) – при совместной, синергетической, их работе обеспечивают, согласно развиваемой модели, всё разнообразие поступков человека, укладывающихся в рамки известной нам сегодня психопатологии, понимаемой не как расстройство «психики», а как *аномальное поведение человека в его патологически эволюционирующем мире* (рис. 4).

Неоднозначность знака (полисемия)

Знак=единство означающего и означаемого (Ф. Соссюр)

Неоднозначность знака (синонимия и омонимия) ведет к неоднозначности ситуации в целом и составляющих её объектов - в частности

что и создает принципиальную возможность аномального поведения

Рис. 3. Схематическое изображение знаков для случая бисемии¹⁰

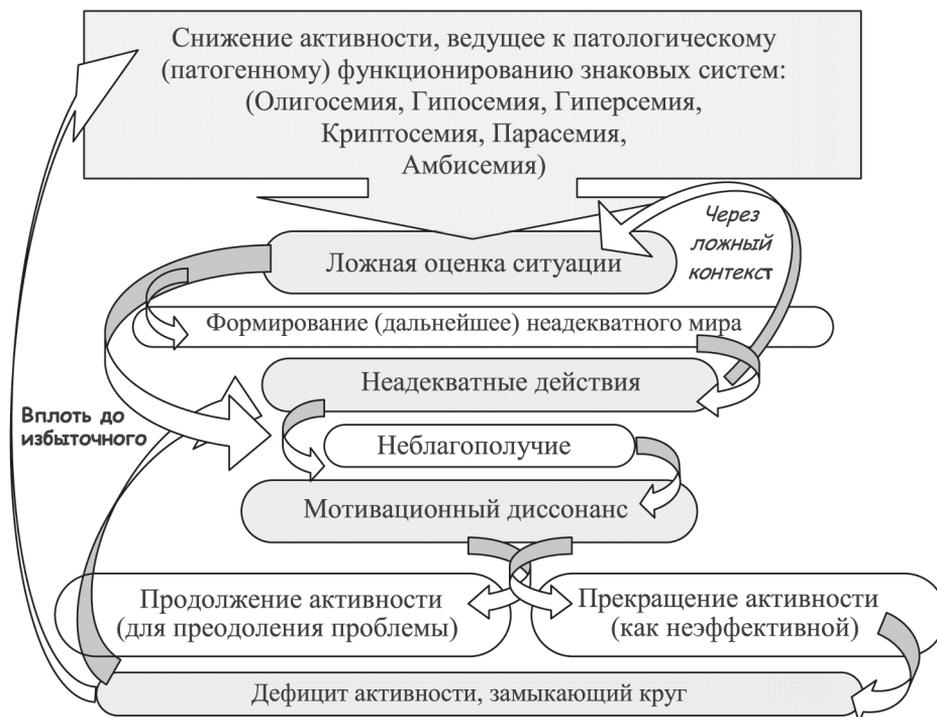

Рис. 4. Механизм патологической эволюции человекомира

¹⁰ Бисемия соответствует ситуации «одно означающее – два означаемых» и наоборот. Вершины изображают: вверху – означающие, внизу – означаемые; каждый отрезок ломаной соответствует одному знаку; всего изображено 6 различных знаков.

Финальным эквивалентом болезни, понимаемой *семиотически*, является обеднение мира и поведения человека в нем, – уменьшение знаковости (*олигосемия*) и значимости (*гипосемия*) жизненных ситуаций, их фрагментов и мира в целом. Такому финалу, как правило, предшествуют периоды, в которых наблюдается усиление (в ущерб другим) значимости отдельных знаков (*гиперсемия*), извращенное толкование знаков под влиянием ложного контекста (*парасемия*), восприятие не очевидных для других наблюдателей знаков (*криптосемия*), а также неопределенность знака вследствие слабого или противоречивого контекста (*амбисемия*) [6].

21. В заключение проиллюстрируем нашу модель на примере двух наиболее распространенных психотических состояний: депрессивного и параноидного.

Реальность депрессивного больного

Вообще говоря, это не просто человек, у которого плохое настроение: подавленное, тревожное или безразличное. Главным образом, это человек, чувствующий себя ничтожным. Это человек, не контролирующий ситуацию и чувствующий себя так, будто от его действий в мире ничего не зависит. Активность его резко снижена, он заторможен и бездеятелен. Он не видит смысла в какой-либо деятельности (*гипосемия*) и не испытывает чувства удовлетворения ни от результатов своей активности, ни от самого процесса. У него утрачено чувство полноты жизни и даже полноты собственного присутствия в мире (*олигосемия*). Он как будто не вполне жив, его почти нет. Не удивительно, что доминирующим переживанием его являются мысли о смерти. Ничто вокруг не ассоциируется с хорошим: в заботе родных он видит лишь, что стал обузой для них; в ободряющих словах окружающих усматривает скрытую иронию (*парасемия*); не помнит своих былых успехов, считая себя неудачником, и всю свою жизнь воспринимает как цепь сплошных ошибок; если же его оставить в покое, это будет свидетельствовать о том, что он никому не нужен, что все о нем забыли. Даже в улыбках близких он способен увидеть знак безнадежности – так улыбаются обреченным на смерть. Имея подобные переживания, больной еще больше отстраняется от активной жизни, нарастает пассивность, чувство отчаяния и безысходности, мысль о смерти становится спасительной (*гиперсемия*), т. е. приобретает позитивное значение. Риск совершения суицида с этого момента резко возрастает.

Таким образом, начальные проявления депрессии (возникающие циклически периоды снижения активности) исподволь меняют контекст существования больного, в результате чего в последующих ситуациях все чаще и сильнее актуализируются негативные значения и смыслы знаков, как бы подтверждая доминирующие идеи больного о том, что все не просто плохо, но даже еще хуже, чем казалось сначала. Положение усугубляется тем, что одновременно с утратой смысла жизни существенно уменьшается значимость всего происходящего вокруг больного и, следовательно, снижается число воспринимаемых больным знаков, несущих в себе позитивные смыслы (*олиго- и гипосемия*). И, наконец, из общего фона наиболее выпук-

ло выступают знаки с негативным содержанием, постепенно заполняя своими фигурами все семиотическое пространство больного (*гипер- и парасемия*). Мир его беднеет и становится однополярным, ничто в нем не сулит хорошего, там уже практически нечего делать. Круг замыкается, страдания больного достигают кульминации, смерть, символизировавшая некогда абсолютное зло, становится благом – единственным по настоящему желанным событием. От суицида больного теперь спасает только выраженный паралич воли.

Реальность параноидного больного

Изначально это человек, живущий в мире, который небезопасен. Мир для него – это арена, а жизнь – борьба. Это человек, скорее понимающий значения, чем чувствующий смыслы: более всего он склонен к аналитической интерпретации знаков, нежели к непосредственному чувственному восприятию ситуации в целом; мир он постигает умом, а не «сердцем». Таким образом, если ума достаточно, скорее всего, он никогда не заболит (количество ума, определенное семиотически, – это число воспринимаемых знаков и осведомленность об их значениях в зависимости от контекста, что эквивалентно умению действовать оптимально с учётом обстоятельств¹¹). Как и все, они стремятся к благополучию, но оказываются в неблагоприятных ситуациях чаще других. Чувство угрозы у таких людей возникает всякий раз, когда они сталкиваются с непонятной ситуацией – означаемым, означаемое которого не вполне ясно (*амбисемия*). В таких случаях неопределенность должна устраняться действием, направленным на изменение ситуации. Если последняя при этом меняется прогнозируемым образом, смысл происходящего проясняется. В противном случае выдвигается альтернативная гипотеза, адекватность которой также проверяется опытным путем. Критически важным при этом является целенаправленная активность, умение прогнозировать и корректировать свои действия. Слабость любого из перечисленных звеньев (врожденная либо нажитая) неотвратимо влечет за собой искажение представлений о мире, деформированное восприятие ситуации (ложась в общую «мировую копилку» и искажающую её) и, как результат, – неадекватные действия, усугубляющие положение дел больного. По мере утраты проясняющих контекстуальных подсказок (и/или учащения подсказок, вводящих в заблуждение), мир становится все более ненадежным, а ситуации – менее предсказуемыми. Со временем чувство растерянности и угрозы усиливается настолько, что жить в таком мире становится невозможно: мир может быть враждебным, плохим, каким угодно, но он должен быть понятным. Однако путь к активным действиям, проясняющим ситуацию, для больного уже закрыт, поскольку активность только усиливает неблагоприятие.

¹¹ Хотя убедительных данных, свидетельствующих о низком уровне интеллекта бредовых больных в сравнении со средней нормой нет, является общеизвестным, что круг возможных значений знаков у них шире, а границы семантических полей более размыты.

Одновременно со снижением активности, обеднением поведения и утратой контроля над ситуацией кристаллизуется представление о враждебном мире, населенном преследователями (*гипер- и криптосемия*), контролирующими жизнь больного. Такой ценой мир вновь обретает понятность, однако ведущим контекстом, устраняющим ситуацию неоднозначности, теперь становится знание о враждебных намерениях людей, подпитываемое чувством угрозы и контроля над собой. Любое слово, любой поступок окружающих теперь являются знаком потенциальной опасности (*парасемия*). В такой ситуации наиболее целесообразным становится минимум активности, отгорожение от мира и людей, отдаление от них на безопасную дистанцию. Взаимодействие с миром уменьшается, и параллельно с этим представления о нем отдаляются от действительности. Постепенно нарастают отчуждение и апатия, оскудевает, теряя краски, знаковую и значимость, мир (*олиго- и гипосемия*). Угасает активность больного – залогом безопасности в этом мире, в котором отныне нечего делать, становится полная пассивность.

Литература

1. Давтян С. Э. О системном кризисе психиатрии / С. Э. Давтян // Armenian Journal of Mental Health. Yerevan. – 2011. – Vol. 2, N 2. – P. 14–20. – URL: <http://apnet.am/publications/1/1/28.pdf>.
2. Парменид. О природе. Фрагменты из произведений ранних греческих философов. Ч. 1 / Парменид. – М. : Наука, 1989. – 297 с.
3. Пуанкаре А. О науке / А. Пуанкаре. – М. : Наука, 1990. – 158 с.
4. Соссюр Ф. Труды по языкознанию / Ф. Соссюр. – М. : Прогресс, 1977. – 99 с.
5. Шредингер Э. Что такое жизнь? Физический аспект живой клетки / Э. Шредингер – М.; Ижевск : Хаот. и регулярная динамика, 2002. – 75 с.
6. Davtian S. Psychiatry in Free Fall: In Pursuit of a Semiotic Foothold . Sign System Studies / S. Davtian, T. Chernigovskaya // An International Journal of Semiotics and Sign Processes in Culture and Nature. – 2003. – Vol. 31, N 2. – P. 533–546.

Human Nature and Evolution of Psychotic Reality (transdisciplinary model)

S. E. Davtian

Annotation. Diagnostics of mental disorder is based on an estimation of patient's behavior (including verbal behaviour), which is ruled by a situation expressed as a system of signs. Perception of a situation, in turn, depends on the context resulting from the previous situations, structuring personal world. So the world is not given – it is being formed while a purposeful activity: distinctive behaviors, including abnormal variants, can be explained not in terms of personalities or conditions but of situations in individual worlds. Like a text composed of words, individual world is composed of situations and each of them needs certain context to cope with ambiguity (inherent for most of sign systems due to polysemia). This context is induced by the world as a whole. If the context cannot help to interpret a situation, uncertainty can be eliminated by actions clarifying a situation. Thus, purposeful activity, skills to make predictions and corrections of

one's own actions are crucial: weakness of any of them leads to the distortion of presentation of the world, to wrong evaluation of situations and, as a result, to inadequate actions fixing (in a vicious circle manner) the inadequate structure of the world.

Key words: *multiple worlds, synergetics, semiotics, depressive reality, paranoid reality.*

*Давтян Степан Эдуардович
кандидат медицинских наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный
университет
199034, г. Санкт-Петербург,
Университетская набережная, 7/9
Дневной стационар № 2 ГПНДС № 7
190020, г. Санкт-Петербург,
Старо-Петергофский проспект, 50
заведующий
e-mail: sdavtian@gmail.com*

*Davtian Stepan Eduardovich
Ph. D. in Medical Sciences, Associate
Professor
St. Petersburg State University
7/9 Universitetskaya embankment,
St. Petersburg, 199034
City PND № 7, Outpatients' Department N 2
50 Staro-Petergofsky prospect,
St. Petersburg, 190020
e-mail: sdavtian@gmail.com*